

(ПП: идиома, говорит о том, что человек или пейзаж настолько прекрасны, что их вид «насыщает» душу и чувства, доставляет такое глубокое удовольствие, что можно забыть о голоде)

Крестьяне жадно уставились на чашку лапши в руках Чжан Чжюаня, причмокивая губами; если бы не сдерживались изо всех сил, слюна уже давно бы потекла. В их глазах мерцали алчность и самоуверенность - уверенность тех, кто привык брать своё без спроса.

Они были убеждены, что Е Нин всего лишь гер: мира не видел, лицо тонкое, кожа тонкая, сердце мягкое - такой не станет спорить с взрослыми мужиками, не осмелится перечить. К тому же все здесь свои, односельчане; из-за какой-то чашки лапши кто станет рвать отношения и срывать покровы приличий?

Но они ошибались.

Е Нин и впрямь очутился в теле гера, однако он вовсе не был наивным простачком и уж точно не собирался позволять кому бы то ни было себя шантажировать. Он спокойно улыбнулся и решительно сказал:

— Моей пяньэрчуань вам не попробовать.

— Почему это? — на лицах крестьян ещё оставались жадные улыбки, но они уже застыли, а глаза округлились от возмущения.

Е Нин неторопливо продолжил:

— Потому что у вас слишком грязные рты. Стоит вам открыть их, и смердит так, что не продохнуть, а слова ваши сами по себе с душком. Если вы отведаете моей лапши, вопрос не в том, заплатите вы или нет, съедите даром или за деньги. Главное другое: вдруг у вас живот прихватит, вы же тут же скажете, что это моя лапша была нечистой. И где мне потом правду искать?

Крестьяне остолбенели. Остолбенел и Чжан Чжюань. Прошло несколько мгновений, прежде чем до всех дошло: их только что выругали, да ещё как. Не только намекнули на халяву, но и прямо сказали, что у них рты воняют.

— Пф! — Чжан Чжюань едва не выплюнул бульон, закашлялся и поспешно заколотил себя по груди, переводя дыхание.

— Ты... ты!.. — лица крестьян налились краской. Пусть они и были безграмотны, но оскорбление поняли прекрасно. Слова Е Нина били без пощады: и про грязные рты, и про жадность - всё было ясно. Они, багровые и взбешённые, тыкали в него пальцами, не находя слов от ярости.

— Ну и ладно! — загалдели крестьяне. — Мы же все свои, соседи, каждый день друг другу на глаза попадаемся. Значит, сегодня ты решил нас всерьёз оскорбить?

— Вот именно! — подхватил другой. — Мы к тебе, между прочим, с добрым намерением, поддержать новое дело пришли. Что, пару чашек лапши жалко?

— А если всё так выйдет некрасиво, — пригрозил третий, — кто потом вообще осмелится есть в твоей закуской?

Е Нин несколько не испугался этих слов и спокойно ответил:

— Именно потому, что мы односельчане, я и сказал всё это вполголоса, будто в шутку. Я ведь ещё даже рук не распускал.

Бух! Бах-бах-бах... С этими словами он снова взял с разделочной доски нож и принялся резать овощи. Под его рукой бамбуковые побеги и грибы ложились ровными, аккуратными ломтиками, словно и впрямь «вели себя смирно».

Крестьяне поняли, что Е Нина им не пронять, да и позора они уже натерпелись. Один из них фыркнул:

— Пойдём! Нечего связываться с этим гером!

— Волосы длинные - ум короткий!

— Пошли-пошли, сплошная неудача сегодня!

Так, не добившись своего и окончательно осрамлённые, они ушли прочь, понутив головы.

— Е Нин! — Чжан Чжюань восторженно поднял большой палец. — Ну ты и молодец! Правда, молодец!

Он при этом не забывал усердно уплетать пяньэрчуань, с силой кивая:

— Вкусно! Как же вкусно! Бульон такой насыщенный, прямо брови от свежести сводит... Ай, только горячо, язык обжёг!

Е Нин рассмеялся:

— Не спеши, кузен. В котле ещё есть. Если не наелся, добавь, сколько нужно.

Чжан Чжиюань смущённо ответил:

— Тогда... тогда я ещё чуточку, совсем чуть-чуть.

А по ту сторону стены усадьбы Цзян семья Чэн Чжао всё ещё торчал, вцепившись в край ограды, и не удержался от вздоха:

— Эх, этот Нин-гер - язык у него острый, никого не щадит. Раньше я и не слышал, чтобы в семье Е был такой лихой гер.

Сказал он это без задней мысли, но слушатель оказался внимательным. Цзян Чансинь и сам ощущал странное недоумение: почему прежде он не знал, что Е Нин настолько решителен и жёсток? Если он и впрямь был таким, то почему в прошлой жизни всё-таки вышел замуж за Чжоу и позволил той семье помыкать собой?

Неужели...

Мысль мелькнула в сознании Цзян Чансиня: возможно, в этом мире переродился не он один.

— Э-э... — Чэн Чжао замялся, заговорил неуверенно, совсем не так, как обычно. Его бойкий язык вдруг стал неповоротливым; он почесал затылок и, неловко улыбаясь, сказал: — Хозяин... эта лапша... она ведь ужасно ароматная. Я в столице раньше и слыхом не слыхивал о каком-то там пняньэрчуане, и вот... ну...

Когда-то он был молодым господином знатного столичного рода Чэн, видел и пробовал все возможные деликатесы, горы и моря яств. Но о «пняньэрчуане» не слышал никогда. Да и отвращения к пище у него не было, сейчас же его так замучил аппетит, что в животе громыхало, слюна наполняла рот, и голодный зуд не давал ни минуты покоя.

Цзян Чансинь, разумеется, хорошо знал характер Чэн Чжао. Если бы не смута, поднятая евнухами, тот и сейчас жил бы в столице беззаботным молодым господином, разве пришлось бы ему скитаться рядом с ним и терпеть лишения?

Цзян Чансинь спокойно спросил:

— Хочешь попробовать?

Чэн Чжао энергично закивал.

Цзян Чансинь вздохнул, махнул рукой:

— Иди.

— Есть! — радостно откликнулся Чэн Чжао и тут же сорвался с места. Уже убегая, он не забыл крикнуть Юй Юаню: — Ты пригляди за господином! Я поем и сразу вернусь. Заодно и тебе чашку принесу!

Юй Юань ничего не ответил, лишь бросил на него косой взгляд. Чэн Чжао решил, что тот просто не интересуется какой-то лапшой: Юй Юань всегда был сдержанным и холодным, думал лишь о мести и о возвращении вместе с Цзян Чансином в столицу, чтобы расправиться с партией евнухов. В еде и одежде он был непривередлив, будто вовсе лишён желаний.

Но напоследок Юй Юань всё же произнёс:

— Поторопись. Смотри, чтобы лапша не размякла.

Чэн Чжао: «...»

Эта каменная глыба тоже лапши захотела?

Чэн Чжао умчался вприпрыжку, сияя от радости. А Цзян Чансинь тем временем прикрыл нос рукавом, стараясь не вдыхать аромат пняньэрчуаня: какой бы ни была эта еда, ему в этой жизни она всё равно недоступна.

Чэн Чжао бежал без оглядки. Подойдя ближе, он увидел: у лапшичной пока ни одного покупателя, но над ней клубится дымок, и под жарким полуденным солнцем всё вокруг выглядит удивительно мирно и спокойно, словно сама жизнь замедлила шаг.

— О! — удивлённо воскликнул Чжан Чжиюань. — Вы как здесь оказались?

Чэн Чжао улыбнулся:

— Чжан-саньлань, у вас тут такая ароматная лапша, что я даже из-за стены почувствовал. Вот и выбрал минутку съесть порцию.

Чжан Чжиюань замахал руками:

— Это лавка Е Нина, я здесь лишь немного помогаю.

Е Нин невольно бросил на Чжан Чжиюаня ещё один взгляд. Пусть тот и был несколько неловок и простоват, но в самом деле оказался благородным человеком: ни крошки выгоды для себя не ищет. Он столько помогал, а будь на его месте кто другой, услышав похвалу лапшичной,

наверняка поспешил бы приписать заслугу себе, польстить собственному самолюбию. Чжан Чжиюань же не пожелал этого делать, в нём не было ни тени тщеславия.

Е Нин подошёл ближе и с улыбкой спросил:

— Господин Чэн, будете лапшу?

Чэн Чжао махнул рукой:

— Да какой я тебе «господин»! Зови просто Чэн Чжао. Давай-давай, наливай чашку, аромат просто сводит с ума.

Бульон был готов заранее, а вот лапша, увы, вся уже ушла в желудок Чжан Чжиюаня, так что пришлось варить новую. Тем более что пняньэрчуань хорош именно свежесваренной: стоит ей размякнуть или слипнуться, и вся упругость и скользкая прелесть исчезают, а вместе с ними и сама душа блюда.

Е Нин действовал удивительно ловко и быстро. Он тут же опустил лапшу в котёл: кипяток забурлил, забился пузырями, и даже от одной только лапши поднялся особый, тонкий мучной аромат, куда более притягательный, чем у обычных домашних блюд.

Чэн Чжао и не догадывался, что его нюх его не обманывает: эту лапшу Е Нин выбирал на рынке долго и придирчиво, и стоила она почти как мясо. Ведь суть пняньэрчуаня не только в бульоне, но и в самой, казалось бы, простой лапше, к которой нельзя относиться спустя рукава.

Белоснежные нити лапши перекатывались в кипящей воде; на мгновение невозможно было понять, что выглядит нежнее - сама лапша или тонкие, изящные ладони Е Нина. Даже такое простое занятие, как варка лапши, в его исполнении казалось особенно красивым - глаз не отвести, словно смотришь на картину.

Е Нин вынул лапшу, быстро ополоснул её в холодной воде, ловко перевернул запястье, и она легла в глубокую чашку не бесформенной грудой, а аккуратными слоями, будто сложенное одеяльце, каждая полоска на своём месте. Сверху он плеснул горячий бульон, и густой, насыщенный аромат тут же разнёсся по воздуху.

Чэн Чжао уже уселся за стол, выхватил палочки, те самые, что Е Нин сам выстругал и отшлифовал, гладкие и удобные в руке, и, не скрывая нетерпения, торопливо спросил:

— Готово? Ну что, уже готово?

Е Нин собственноручно поднёс глубокую чашку и поставил её перед Чэн Чжао. Бульон был густой, молочно-золотистый, нежно-белая лапша едва выглядывала из него, а сверху аккуратным кругом лежали мелкие рыбёшки и креветки. Одного лишь вида хватило бы, чтобы

уморить от нетерпения десятков Чэн Чжао.

Тот не стал медлить - подхватил палочками щедрую порцию лапши и, словно водопад, отправил её в рот.

— М-м! Ай... горячо... горячо! — зашипел он, но тут же закивал, не в силах остановиться. — Ух, до чего же свежо! Бульон просто песня! И лапша... такая упругая, но мягкая, зубы не устают! Вкусно... очень вкусно!

Глядя на его восторженное выражение лица, Е Нин едва не рассмеялся. И без слов было ясно: пяньэрчуань удался.

Чэн Чжао управился с первой чашкой в считанные мгновения - показалось мало, и он тут же взял вторую. Съел и её с превеликим удовольствием, выпил бульон до последней капли, вычистил мелкую рыбу и креветок подчистую и лишь тогда, удовлетворённо выдохнув, поставил большую чашку на стол.

Он полез в рукав и вынул пригоршню медных монет:

— Вот за лапшу. И ещё одну чашку, пожалуйста, я заберу с собой.

Е Нин покачал головой:

— Вчера молодой господин Цзян оказал мне немалую помощь. Эти несколько чашек сегодня за мой счёт. Надеюсь лишь, вы не станете брезговать моей простой лапшой.

Чэн Чжао поспешно замахал руками:

— Да что ты! Вчера мы, по правде говоря, почти ничем и не помогли. Как же так можно?

Е Нин, однако, настоял на своём и денег не взял. Он аккуратно упаковал лапшу с собой, предусмотрительно использовав две глубокие чашки - отдельно для лапши и отдельно для бульона, чтобы по дороге всё не размякло. Обе чашки он уложил в коробку для еды и передал Чэн Чжао.

— Нин-гер - человек прямой и щедрый, — с улыбкой сказал Чэн Чжао. — Но уговор такой: впредь я буду есть у тебя лапшу часто, только ты уж обязательно бери деньги, иначе мне и появляться неловко.

— Впредь, разумеется, я буду брать плату, — так же с улыбкой ответил Е Нин. — Об этом, господин Чэн, можете не беспокоиться.

Чэн Чжао, довольный до предела, унёс коробку с едой обратно в усадьбу Цзян и первым делом отнёс его в маленькую кухню при покоях Цзян Чансиня. Поскольку тот страдал «недугом отвращения к пище» и не выносил даже резких запахов, Чэн Чжао побоялся спровоцировать приступ и потому оставил пяньэрчуань на кухне, решив, что позже Юй Юань сам зайдёт туда, поест и вернётся.

Однако стоило Чэн Чжао выйти из маленькой кухни и подойти к воротам двора, как прежде спокойное место вдруг превратилось в настоящий улей: слуги метались взад и вперёд, едва не сбивая его с ног.

— Чэн Чжао! Где ты пропадал?! Почему только сейчас явился! — раздался окрик.

— Что случилось? — удивился он. — Что за переполох?

Старшая служанка, давно служившая при старшей госпоже, вся в поту и волнении, торопливо заговорила:

— Только что какой-то нерасторопный бездельник перепутал блюда! Вместо положенной господину юному хозяину пресной лапши на воде ему подали чашку жирной тушёной свинины!

— Бедный наш молодой господин... — голос её дрогнул. — Стоило ему лишь вдохнуть запах жира, как болезнь тут же дала себя знать. Лицо побелело, страдает он, ах как страдает...

<http://bllate.org/book/15118/1356117>